ложение связать его с частотной в финской антропонимике основой *holappa-* (из русск. *холопъ*) (Саарикиви 2007: 232–233) оставляет необъясненным передний гласный первого слога. Между тем, это имя может быть этимологизировано на тюркской почве, будучи разложено на элементы *гюл* и *опа*, которым (с учетом варьирования глухих и звонких согласных в передаче тюркских антропонимов) может быть поставлен в соответствие ряд тюркских корней (*kül* ‘славный, мудрый’, *oba* ‘род’, *opa*, *apa* ‘уважительное обращение к старшему’ (см. Баскаков 1985: 52–53). Поскольку, кроме того, тюркскому *kül* может в русской передаче соответствовать *Кул-* (ср. там же об этимологии имени *Кулмѣи*), ничто не мешает сопоставить имя *Гюлопа* с реально засвидетельствованным половецким именем *Кулоба* (там же: 79). Другая возможность (подсказанная нам А. В. Дыбо) заключается в том, что начальное *Гюл-* может передавать тюркский корень *yul-* (*yol-*) ‘дорога’.

№ 731 (50-е – 70-е гг. XII в.; Б 83) [З]. Для фразы *а кодь ти мнѣ хльбь тꙋ и тобѣ*, где хлеб выступает как символ прокормления, законного довольствия, ср.: *а ты ли ми здѣ хлѣба моего же не хощеши дати?* (ПВЛ [1096] по Лавр., л. 85 об.).

№ 735 (сер. – 2 пол. XII в.; Б 20) [З]. Что касается особого значения союза *любо* в обороте *любо и до Коростомлѧ* ‘хоть и до Коростомля’, ‘хоть бы и до Коростомля’, то можно указать примеры сходного употребления весьма близкого по значению союза *или*:

тѣмь же готовъ ѥсмь <u>*или*</u> *на съмьрьть* (‘даже и на смерть’, ‘хоть бы и на смерть’) (Житие Феодосия — Усп. сб., 58г);

*се́ же бы*с *Си́монъ Гиѡринъ с҃нъ, єго́же тогда̀ сквóѕѣ люди ведо́ша съ плѣнеными въ приєлипсисъ, звѧзавше тѧтиво́ю по шию и влекꙋ́ще и биюще по всѣмъ оудомъ, ведо́ша* <u>*или*</u> *до тръжища* (‘даже и до торга’), *идеже за́конъ єсть оуби́ти ѡсоужденых злодѣи* (Флав., 470а).

№ 745 (кон. XI – 1 четв. XII в.; А 19) [З]. Покойный Е. А. Хелимский в свое время предложил (в письме) понимать в этой грамоте и в грамоте № 286 слово *присловье* несколько иначе, чем в ДНД. Он писал: «*Присловье* явно не ‘худая слава’, а ‘претензия’, ‘подозрение’, ср. также *присловье* ‘подозрение’ Нижегор. (СРНГ, 31: 388). В словоуказателе ДНД ‘худая слава’, ‘<u>укор</u>’, что точнее, но не отражено в переводах грамот». С этим стилистическим замечанием можно согласиться.

№ 752 (1080-е – 1100-е гг.; А 11) [З]. Для фраз *аже бы ти годьнъ* и *ѧко есть не годьнъ* ср., в частности: <u>*ажь вы годьно*</u> *а ѣдете к намъ, а паки ли* <u>*не годно вы*</u>*, а волни есте* (Ипат. [1193], л. 233 об.).

Для выражения *моѧ хоудость* ср., в частности: *Мы всѧ братьѩ і чернорисци кланѧємсѧ тобѣ, и хочемь тѧ имѣти собѣ ѡ҃ца игоумена. Попъ же Василѣи в велицѣ изоумѣньи бывъ, поклонисѧ противоу имъ и ре*ч: *ѡ҃ци и братьѩ, азъ чернество на ср*д*цѣ имѣлъ єсмь, игоуменьства же ради что мысли*с*те* <u>*ѡ моєи хоудости*</u> (Ипат. [1182], л. 220); *Посла Девгений своего предстателя цареви, глаголя: «Дивлюся, како потрудися царь твой* <u>*к моей худости*</u>» (Девгениево деяние).

№ 755 (вероятно, кон. XIV в.; Г 86) [Г]. Представляет интерес коммуникативная структура этого документа. Приведем его текст с современной пунктуацией, но без кавычек:

Толко за мною и словъ. Позвале мене Ѡлекьсѣи на гумно, ажь Ѡсташька ѡвыдь молоти. Ѡлекъсѣи [*ѥг*]*о воспроси: Цому молотишь безъ нашихъ сиротъ, а намъ в землѣ половина, а верьши часть? И велѣлъ ми старѣшѣи мои и сѣмѧна и ѣмѧна молотить ваша Иване*.

Перевод в ДНД трактует последнюю фразу грамоты как слова автора. При этом А. А. Зализняк оговаривает также менее вероятную, по его мнению, возможность того, что «прямая речь Олексея не кончается на слове *часть*, но идет до конца грамоты (т. е. что ссылка на Ивана принадлежит Олексею, а не автору доку-

мента» (ДНД$_2$: 637). Ни одна из двух версий не кажется убедительной. Ссылка на распоряжение старосты Ивана звучит, конечно, странно в устах Олексея, который, как видно из содержания грамоты, сам является старостой или управляющим села, где живет автор. Однако не менее странно она звучит и в устах автора: ведь его старостой является, судя по всему, сам Алексей, а вовсе не Иван. К тому же в тексте, не являющемся письмом, но представляющем собой запись свидетельских показаний, непонятной оказывается референция местоимения *ваш* в сочетании *сѣмѧна и ѣмѧна ваша.*

Все эти недоумения снимаются, если считать, что спорная фраза представляет собой ответ Осташки на вопрос Алексея, приведенный без специального указания на то, что эти слова произносит Осташка, — это должно было быть ясно читателю из контекста грамоты[20]. Точно так же, без эксплицитного указания на автора речи, вводятся показания свидетеля в грамоте № 154: *Воспросилѣ правищикѣ Оманта, ростѧгалесь Фипе с Ываномъ Стоикомъ. «Виделе ѥсмь и цюле промежи Филипомъ Иваномъ…»*. Разница между двумя документами в том, что в грамоте № 755 речь свидетеля, вводимая формулой *То⟨ль⟩ко за мною и словъ*, включает пересказ слышанного им диалога, что вносит дополнительное усложнение в коммуникативную организацию текста. Ср. также грамоту № 962, в которой авторство реплик специально поясняется надписанным над строкой метатекстом: [*Попъ молвить*]*: положи грамоту по чому еси давалъ.* [*Олесеі*]*: Приказали ми старѣши и ѧзъ давалъ.* Характерно, что вводимые таким образом слова Олесея содержат такую же ссылку на распоряжение старших, как и ответ Осташки в № 755.

№ 767 (кон. XII – нач. 10-х гг. XIII в.) [Г]. Предложенное в издании чтение … [ѻс]мє ѭн[д](ъ) … изучением нового снимка не подтвердилось. На снимке видно, что штрих, трактованный как правая сторона *о*, сделан с ослабевающим нажимом и с большей вероятностью может интерпретироваться как засечка *с*. С другой стороны, от предполагаемого *д* виден лишь левый склон, что делает эту букву более похожей на *ь*. С дополнительными уточнениями текст приобретает вид: …[иль] (или …[идь]) [сь]м[ь]ѭн[ь] …, т. е. ⟨…*иле Сьмьюне*⟩ (или ⟨…*иде Сьмьюне*⟩). Имя *Семьюнъ* (новгородский вариант канонического *Симеонъ*) встречается в грамотах неоднократно.

№ 771 (кон. XIII – 1 пол. XIV в.; Г 7) [Г]. Согласно Й. Схакену (2013: 158–162), угловым отчеркиванием после слов *на дьвке* обозначена граница между двумя частями коммуникативно неоднородного документа. Первая часть, до отчеркивания, содержит сообщение, которое посыльный Офимьи должен был вслух зачитать не названному по имени адресату: *Оѳимиѧ каже весте къ тобе: гр҃вн҄ серьбра присли на дьвке*. Вторая часть представляет собой инструкцию посыльному: *Дѣтѧтию присли весте; ажь долго бѹде долго медлѧти, присли весте*.

№ 777 (посл. треть XIII в.; В 41) [Г]. Хотя размер утраченного правого края грамоты неизвестен, можно думать, что он был невелик. Сохранившиеся фрагменты текста удается связать между собой при помощи простых конъектур:

поклонъ ѿ ---------
(къ) м[и]ха[лю не росход](оуи)⸗
сѧ про село аує и пр(ода то)
(на гр)[ив]ьнъ ·і҃· и бол[є] …

Перевод: ‘Не траться на село: если и продаст, то за 10 гривен и больше’. При такой реконструкции, правда, нужно предполагать, что в имени автора было не менее десяти букв. Но языческие имена типа *Доброслав*, еще вполне возможные в эту эпоху, удовлетворяют данному требованию. С другой стороны, авторов могло быть и двое.

[20] Излагаемая здесь трактовка предложена в работе Гиппиус, Схакен 2011. На тот момент нам оставалась неизвестной рецензия Р. Факкани на X том НГБ (Факкани 2004: 126–127), в которой автор указывал на возможность подобного понимания грамоты.